

Елена Трухан

ЗЕ́РНА

Елена Трухан

**Зёрна. Публицистические
и литературно-критические статьи**

«Издательские решения»

Трухан Е. Д.

Зёрна. Публицистические и литературно-критические статьи /
Е. Д. Трухан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938362-4

В сборник «Зёрна» вошли публицистические и литературно-критические статьи, посвященные творчеству писателей-современников, Ф. М. Достоевскому, деятелям культуры, а также знаковым событиям и культурным феноменам Кузнецкой Земли.

ISBN 978-5-44-938362-4

© Трухан Е. Д.
© Издательские решения

Содержание

«Если пшеничное зерно, падши в землю...»	7
По следам одной газетной реликвии	13
«Если хотите – передарена»	14
«Редактор-издатель П. И. Макушинъ. Дозволено цензурою»	15
«Сибирская иллюстрация»	17
«...с воспроизведением михеевских фотографий»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Зёрна

Публицистические и литературно-критические статьи

Елена Дмитриевна Трухан

Дизайнер обложки А. В. Трухан

Фотограф А. В. Трухан

Редактор Е. Д. Трухан

Корректор Е. Д. Трухан

© Елена Дмитриевна Трухан, 2018

© А. В. Трухан, дизайн обложки, 2018

© А. В. Трухан, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-8362-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*...будь то «А» или «Б» – не важно,
словно семечкам в теплом грунте,
Время нам улыбнулось влажно:
в пробивающем почву свете,
в затихающей песне горна,
не заметив, как кто-то третий
отделяет от плевел – зёрна.*

Анна Яблонская. Зёрна.

Для кого написана эта книга?

Для тех, кто любит публицистику и литературную критику.

Но более – для тех, кто их не любит, считает скучными и мало кому интересными.

Постараюсь их разуверить!

Автор

«Если пшеничное зерно, падши в землю...»

Одной из вершин осмысления биографии и литературного наследия Ф. М. Достоевского стал очерк новокузнецкой писательницы Любви Никоновой, посвященный его венчанию.

Произведение, имеющее подзаголовок *«исследование с точки зрения православного таинства брака»*, было опубликовано в нескольких изданиях. Впервые оно появилось в 1991 году в газете «Кузнецкий рабочий», затем – в журнале «Литературный Кузбасс» и спецвыпуске роман-газеты «Кузнецкая крепость». Позднее бытование очерка значительно расширил японский профессор Коити Итокава из университета города Ниигата, познакомив с ним жителей Страны Восходящего Солнца. Но и это не стало последней публикацией. Спустя пять лет, претерпев редакторские купюры и преобразования в научный формат, текст Л. А. Никоновой вновь появился в сборнике материалов Межрегиональной конференции «Достоевский и современность», организованной к 175-летию писателя. И только в 2006 году был включён автором в книгу прозы «Мир благословенный».

Несмотря на столь обширный издательский ареал, никоновское Слово о венчании Достоевского так и не обрело широкую известность. Думается, загадка кроется не столько в сложности темы или ее интерпретации, сколько в особенностях очерка.

Он создавался в переломный и смутный для российской новейшей истории год. Крушение старых устоев отзывалось в обществе желанием найти новые идеалы. *«В такие минуты, – как писал в своё время Ф. М. Достоевский Н. Д. Фонвизиной, – «жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина».*

Поиски истины и точек нравственной опоры развернулись в начале 90-х годов прошлого века по диаметрально противоположным направлениям.

Одни в нелегких условиях духовной дезориентации обратились к некогда утраченным ценностям. Сквозь толщу времен и событий к читателю стали пробиваться произведения русских авторов-изгнанников начала XX века, а также труды их соотечественников, подвергшихся репрессиям. Книги ярчайших представителей русской религиозно-философской мысли и почти забытых талантливых литераторов наконец-то вернулись на полки отечественной интеллигенции. В свободный доступ попали и ранее запрещенные религиозно-православные источники.

Все это не могло не задеть самые сокровенные струны Любви Никоновой, вдумчивого читателя и глубоко верующего человека. Она всегда следила за литературным процессом, и в начале 90-х, судя по сохранившимся записям в её рабочих тетрадях и переписке с издательствами, заказывала особенно много книжных новинок...

Другая часть общества, напротив, встала на путь отрицания православной веры и старых идеалов. Изъеденные скепсисом и безбожием, барахтающиеся среди осколков постмодернистской культуры, люди потянулось к оккультным наукам, сектантству, гипнозу, белой и черной магии. Подобные процессы, охватившие массовое сознание, ярко осветил в своем первом сборнике «Синий фонарь» (1991) только вступающий в литературу прозаик Виктор Пелевин. В его рассказах «Вести из Непала», «Девятый сон Веры Павловны», «День бульдозериста»,

«Мардонги», «Ухряб», «Хрустальный мир» вопрос о вере становится если не камнем преткновения для героев, то уж наверняка – навязчивой идеей или злой шуткой судьбы. Характерная для Пелевина религиозно-философская тема решается в русле литературного стёба, пародии, сатиры и гротеска.

В отличие от своего младшего современника Л. А. Никонова призывала читателя обратиться к первоосновам. К Слову, которое «было в начале». По ее мнению, верный ответ придёт только с осмыслением истинного значения слов. *«Сейчас эти смыслы, к несчастью, потеряны», – считала она, – но восстановить гармонию возможно, углубившись в изучение христианских понятий, в освоение православной культуры в целом».*

Неслучайно в период создания исследования о венчании писательница напряженно трудится над заметками о русской духовности «В сиянии любви и милости», что приводит ее к новым поворотам в воплощении религиозно-философской темы. Так, за год до появления очерка она создает цикл прозаических миниатюр «Хождение по святым местам», где обращается к истокам христианской культуры, детально рассматривает и по-своему осмысливает стержневые православные понятия, законы, символы и праздники. Некоторые из них дали названия её творениям: «Акафист», «Святая вода», «Введение во храм», «Благословение», «Любовь» и др. В тот же период в цикле миниатюр «Сокровище тишины» автор вновь погружается в символические значения христианских обрядов и ритуалов, стремится раскрыть изначальную природу православных символов и жестов: целование, моление, младенец сакральный, Господственная Пасха...

В таком контексте постижение сущности таинства брака на примере судьбы и творчества гения мировой литературы представляется как никогда знаменательным.

Стоит отметить, что очерк появился у Никоновой после пятилетнего периода работы научным сотрудником в новокузнецком музее Достоевского (1982—1987). За это время она основательно изучила архивные документы и биографические материалы о кузнецких днях писателя, обрела музейно-исследовательский опыт. Важнейшими итогами ее раздумий над эпистолярными и художественными страницами Фёдора Михайловича стали статья «Кузнецкий венец» (1986) и знаменитое стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год» (1987)...

Несомненно, никоновский текст родился и в горниле событий духовной жизни Новокузнецка того времени. В 1989 году был восстановлен приход старейшего православного кафедрального храма – Спасо-Преображенского собора, а в 1991 в нем состоялось первое богослужение. Любовь Никонова, его прихожанка, с удовольствием присутствовала на возобновленных после долгого перерыва службах, участвовала в возрождаемых крестных ходах, лично общалась со многими священниками. Ее публицистические материалы по религиозно-православной тематике, то и дело появляющиеся в городской газете «Кузнецкий рабочий», свидетельствовали о глубоком, неподдельном и разноплановом интересе к жизни христианского мира. Весомым доказательством тому стали поэтические строки, вышедшие чуть позже из-под ее пера, о важнейших вехах в истории православных святынь Кузбасса: «Летел, летел собор над лесом...» (1992), «Стихи на обретение колоколов. Кузнецк. 1994» (1994), «Богослужение в кузбасском городке» (1995) и др.

Очерк о венчании Ф. М. Достоевского увидел свет в год празднования 170-летнего юбилея писателя и обретения новокузнецким литературно-мемориальным музеем его имени статуса самостоятельного учреждения культуры. Это было очень важно и значимо для Любови Алексеевны, ведь, как известно, юбилеи Достоевского и все события, происходящие в посвященном ему музее, она воспринимала как настоящее пиршество духа, то, что свершается *«под знаком праздника»*.

Интересно, что создание очерка совпало с осуществлением важного культурного проекта. В 1991 году в Новокузнецке режиссер О. В. Морокова и сценарист Н. С. Серегина сни-

мают документальную кинокартину «Кузнецкие венцы» о 22-дневном пребывании Достоевского на Земле Кузнецкой и о судьбе творческой интеллигенции в Сибири. Никонова помогает им. Реализуя себя в фильме не только как «актер», но и как исполнитель собственных поэтических творений, Любовь Алексеевна получает новый импульс к творчеству, возможность по-другому посмотреть на события многолетней давности...

Жанровое своеобразие очерка «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке...» очень специфично. Несмотря на то, что автор называет его «исследованием», по сути мы имеем дело с современным трактатом.

В переводе с латинского слово «трактат» означает «обсуждение», «рассмотрение». Ещё его определяют как «научное сочинение в форме рассуждения (часто – полемически заостренное)». Именно такую структуру он и имеет. Перед нами – философско-теологический текст, содержащий постановку, изложение и разрешение конкретной, волнующей писательницу, проблемы: интерпретация первого брака Достоевского с точки зрения православных канонов. Продуктивно разрешить ее, представив ярко и обоснованно свою оригинальную трактовку, возможно только в рамках трактата. Вот почему Любовь Никонова прибегает к возрождению такой забытой и архаичной для нашего времени жанровой формы.

О родственности своего необычного текста «старомодному» жанру автор декларативно заявляет уже в названии – нарочито длинном, «неудобоваримом», намекающем на характерные трактатные заголовки. Если вспомнить, в них как раз и содержались подобные слова и обороты: «исследования о...», «опыты», «о началах», «о принципах» и др. Кажется, Никонова намеренно подобрала несколько отпугивающее, грешащее длиной и наукообразностью, название. Оно указало и на фундаментальный характер труда, и на ту культурную традицию, которая стала её ориентиром.

Некоторые издатели и редакторы, не понимая того, вносят вольные изменения в никоновский текст: сокращают название, изменяют его четкую трехчастную структуру и даже сильно купируют, лишая произведение публицистической составляющей. В конечном счете, подобные эксперименты приводят к потере базовых черт трактата, ретушированию авторского замысла, а значит, и к непониманию самой сути произведения и к его последующей недооцененности.

Логика мышления, присущая трактату, была органична для Л. А. Никоновой. Многолетняя работа учителем в школе способствовала ежедневному освоению жанровых норм, ведь не секрет, что крайним выражением трактата был и остается учебник.

Идею о соответствии дисциплинарного, систематичного, «учебного» типа текста особенностям творческого сознания писательницы подтверждают и ее читательские предпочтения. Вспомним, что в «Драгоценном списке любимых литературных произведений», завершающем очерк «Сокровенное свечение», она перечисляет родственные по духу и напоминающие трактат философские раздумья. Это теологические труды и историко-литературные изыскания «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной литургии» Н. В. Гоголя, «Семирамида» («Исследование истины исторических идей») А. С. Хомякова, «Азбука победы» Святителя Николая Сербского...

Родственность публицистического высказывания Никоновой и традиционного трактата прослеживается и в структуре ее работы, и в способах аргументации.

Невозможно не заметить, что все части исследования «дышат» демонстративной систематичностью. Так, доказательство правильности авторской позиции начинается с презентации предмета исследования, затем происходит переход к обрисовке существующего положения дел, и только когда определены все позиции, писатель озвучивает собственную точку зрения. Затем скрупулезно приступает к доказательству правильности своей теории.

Примечательно, что ссылки на иные авторитетные мнения, как и в типовых трактатах, выполняют у Никоновой служебную роль, то есть предназначены для обоснования ее идеи, а потому фрагментарны и скупы.

Опытный взгляд сразу отметит, что пользуется она многочисленными источниками: воспоминаниями современников, точной хроникой событий, фрагментами из Священного Писания и молитв, теологическими текстами Павла Флоренского и художественными – Федора Достоевского (роман «Идиот»), его же эпистолярными посланиями и записями в книжке «Notes», неточными цитатами Александра Блока, высказываниями Амвросия Оптинского, воспоминаниями А. Г. Сниткиной и кузнецких свидетелей венчания... Но, несмотря на сложную вязь публицистического, религиозно-философского, эпистолярного, литературно-художественного и историко-краеведческого элементов, текст очерка сохраняет свою целостность и свежесть.

Подобно трактату, очерк состоит из трех частей: внешний абрис «грозного чувства»; интерпретации любви Достоевского и Исаевой и озвучивание своей точки зрения; трактовка второго брака литератора в качестве еще одного шанса исправить жизненные ошибки.

Доказывая свою правоту, Л. А. Никонова стремится «довести» аудиторию до накала мыслей и чувств. Такой способ доказательства эффективен и уместен, т.к. проблема, поднимаемая ею, не является до конца решенной, да и авторская мысль для многих достаточно сложна.

Писательница открыто заявляет, что до сих пор мы знакомы только с мирскими, подчас очень приземленными, объяснениями супружеского союза Достоевского и Исаевой. Но только христианский взгляд на таинство брака достоверно высвечивает взаимоотношения двух влюбленных сердец, только он может распахнуть перед поколениями XXI века новые горизонты в понимании жизни и творчества писателя.

На страницах исследования впервые говорится о невостребованности, нераскрытости православного аспекта в трактовке любви Достоевского и Исаевой. Хотя, по Никоновой, православно-христианский взгляд на «грозное чувство» и кузнецкое венчание изначально довлеет над всем:

«... среди волнений человеческой любви в сердце Достоевского не прекращалось высшее христианское чувство, образующее вокруг Марии Дмитриевны как бы «зону сострадания, милосердия, прозрачной нежности, участия».

Такая позиция не только придает особую ценность очерку, но и «реабilitирует» Исаеву как личность и, что особенно важно, делает кузнецкие дни романиста достоянием православной и общечеловеческой культуры, а не кратковременным и ничего не значащим эпизодом, ни в коем случае не очередной записью в «дон-жуанском списке».

Высшей точкой кузнецко-семипалатинского периода Любовь Никонова считает венчание Достоевского в Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви. «Всё разрешилось в храме», – пишет она и четко поясняет, что именно скрыто за этими словами: благотельный кризис, очищение, «христианское омовение». Ведь Любовь, закрепленная таинством венчания, – своего рода отделение вечного от текущего, зёрен от плевел: «аффективное растворялось в христианском, земное очищалось небесным».

Согласно Никоновой, любовь писателя – многоуровневое и очень сложное чувство. Представляется оно через разные лики Любви, которые много сотен лет назад обозначил апостол Павел в Первом послании к Коринфянам:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...»

Любовь к Исаевой сделала писателя многоликим, т.к. сама была таковой: *«зрелое чувство собрало в себе разные виды любви»*.

Линию этой могущественной движущей силы она определяет как крестный путь от алтаря до гроба. Все остальное – жизнь мирская.

«Если кузнецкое венчание (6 февраля 1857 года) явилось апофеозом первой любви Достоевского, „милосердствующей“, то его „верующая“ любовь достигла наивысшего выражения в первые часы после смерти Марии Дмитриевны (16 апреля 1864 года)».

Детально пересматривая все составляющие Любви Достоевского-христианина, автор, прежде всего, указывает на её спасительность. В своей спасительности она широка и всеохватна. Любовь литератора оберегает не только саму Исаеву, но распространяется и на её окружение: сына Пашу, первого супруга Александра Ивановича, даже на соперника по любви Вергунова. Ведь христианская Любовь – спасение и преображение духовное: её великая цель – *«всеми средствами поддержать, спасти измученную, одинокую, недугующую душу»*.

Но трагедия Достоевского в том, что сделать это он не успел. Мария Исаева – *«натура, сожженная отчаянием»* – еще до кузнецкого венчания прошла точку невозврата:

«Достоевский состоял в браке с женищиной, уже уходящей с земли, уже почти не присутствующей в этой жизни – ни душою, ни телом».

Предрешенность гибели *«отчаявшегося существа»* сыграла роковую роль в разрушении «грозного чувства» и несчастье первого брака. Он *«отдавал себе отчет в обреченности Исаевой»*, но *«не представлял всей необратимости отчаяния, в котором несколько печальных лет провела его будущая жена»*, *«не знал, как глубоко сидит в ней жало смерти»*. В письме от 14 июля 1856 года Ф. М. Достоевский с горечью сообщает об этом своему сибирскому другу А. Е. Врангелю:

«Она (Исаева – Е. Т.) доживает, может быть, свою последнюю мысль...»

Чтобы глубже разобраться в чувствах и мыслях Достоевского, автор очерка обращает нас и к личности самого романиста, и к внутреннему миру его спутниц по жизни. Такой двусторонний подход, пожалуй, осуществляется впервые. Многие, как правило, ограничиваются представлением только позиции писателя, рисуя его в выгодном свете, например, на фоне inferнальной, страстной, экзальтированной и неверной особы – первой жены. Ценность же рассуждений Л. А. Никоновой кроется как раз в обозначении сразу двух полюсов.

В своей Любви Достоевский вел постоянную борьбу за Исаеву со смертью, но проиграл. В этом смысле стоит вспомнить рассказ «Кроткая», включенный Никоновой в личный список *«драгоценных литературных произведений»*. Здесь мы как раз наблюдаем развитие необратимого смертоносного процесса у обреченной на гибель героини. Сама же Любовь Алексеевна сравнивает Исаеву с другим литературным персонажем – Настасьей Филипповной Барашковой из романа «Идиот»:

«К моменту встречи со своим избавителем они уже сгорели в непосильной борьбе со злом, уже перешли грань, отделяющую жизнь от ее таинственного антипода».

В дневниковой записи 1864 года, которая родилась у гроба Марии Дмитриевны, писатель сверяет собственный опыт супружества с высшим идеалом, со Христом. Вслед за ним Л. А. Никонова измеряет уровень его семейного счастья мерой православного учения о жертвоприношении. Главная причина краха его первого брака видится ей в том, что *«брачная жертва... была недостаточной»*. Это – великий грех, а значит – вечные страдания. Об этом нам говорит и Достоевский. *«Дневниковая запись от 16 апреля 1864 года стала словом пока-*

яния», – резюмирует Никонова, открывая тем самым неведомые тропы в прочтении романов Великого Пятикнижия. Она утверждает, что размышления о жертве у гроба жены соотносятся с главными православными таинствами – крещением, евхаристией и венчанием, в основе которых лежит именно жертвоприношение. По сути дневниковая запись Достоевского – это сверка *«обетов венчания с их реальным воплощением в жизнь»*.

Второй брак Фёдора Михайловича, несмотря на *«ряд поразительных совпадений»*, повтор рассматривается как противоположность первого. Это – еще один шанс, дарованный провидением, но шанс, которым он воспользовался сполна:

«Этими повторами как бы подтверждалась неукоснительная воля Божия, ведущая Достоевского именно таким путем к торжеству христианского брака. Вновь повторились обряды, священнодействия и молитвы святого таинства, и вновь была принесена жертва Богу и другу другу. На этот раз это была полная жертва с обеих сторон».

Раздумья о жертве, которую необходимо положить на алтарь семейного и супружеского счастья, невольно навевают мысли о зерне. Том самом, что возникает в эпиграфе к роману «Братья Карамазовы»:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Эти слова из Евангелия от Иоанна традиционно связывают с развитием всего романного сюжета. Братья Дмитрий, Иван и Алеша становятся на путь *«восстановления погибшего человека»*, о котором Достоевский говорил как о глобальной идее искусства XIX столетия. Принося жертву, каждый по своей мере, они должны войти в новую жизнь, преобразиться в иную форму.

Но идею крестного пути, то есть страдания и самопожертвования, которую воплощает эпиграф, стоит соотносить не только с основным текстом произведения.

В равной степени она принадлежит и посвящению.

Достоевский посвятил роман, то есть фактически принес жертву своим творчеством, милому ангелу – второй жене Анне Григорьевне. Семейная жизнь с ней стала для писателя символом того самого евангельского зерна – падшего во влажную землю, умершего и чудесным образом воскресшего вновь.

По следам одной газетной реликвии

Первым исследованием по теме «Ф. М. Достоевский в Кузнецке» считается одноименная статья Валентина Федоровича Булгакова, последнего личного секретаря Л. Н. Толстого. Она была опубликована 10 октября 1904 года в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» и стала настоящей реликвией.

Как музею Достоевского в Новокузнецке удалось стать обладателем подлинного экземпляра этой газеты – наш рассказ...

«Если хотите – передарена»

О существовании экспоната в коллекции писателя А. Э. Лейфера и намерении владельца передать его гослитмузею в Омске узнал научный сотрудник новокузнецкого музея Достоевского Владимир Семенович Пилипенко во время очередной конференции.

«На круглом столе подводились итоги, – вспоминает он. – Когда слово было предоставлено Александру Лейферу, тот вышел к аудитории с дореволюционной газетой в руках. Писатель держал ее в развернутом виде, бережно упакованную в целлофан. Я обомлел: это же подлинник, где напечатана знаменитая статья Булгакова! А Лейфер тем временем уже передавал в руки омских коллег свой бесценный подарок. Сердце кровью обливалось от того, что из Новокузнецка прямо на моих глазах ускользает уникальный экспонат...».

Новокузнецчане стали уговаривать А. Э. Лейфера и омских музейщиков изменить свое решение. Благодаря их убедительности и настойчивости газетная реликвия 1904 года была, как выразился Лейфер, *«если хотите – передарена»*, и отправилась из Омска в Новокузнецк.

Позднее бывший владелец газетного экземпляра *«предал печати»* некоторые факты его истории. Оказывается, иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни» хранилось среди его бумаг давно. Ему когда-то подарил его известный томский краевед Владимир Домаевский. О причинах, побудивших собирателя старины к столь щедрому поступку, А. Э. Лейфер сообщил в эссе, опубликованном в альманахе «Кузнецкая крепость»:

«Владимир Павлович знал, что меня интересуют всяческие подробности пребывания в Сибири Ф. М. Достоевского, а в этом воскресном приложении напечатана хорошо известная среди тех, кто этой темой тоже интересуется, небольшая статья „Достоевский в Кузнецке“».

Так подлинник газетного приложения, совершив путешествие длиной почти в 110 лет из Томска в Новокузнецк через Омск, поселился в музейной коллекции.

«Редактор-издатель П. И. Макушинъ. Дозволено цензурою»

До 1881 года в Западной Сибири не издавалось ни одной массовой газеты, были в ходу лишь периодические издания в виде губернских ведомостей.

Возникновение первых сибирских газет связано с именем Петра Ивановича Макушина – знаменитого общественного деятеля, мецената, подвижника-просветителя, издателя и редактора, предпринимателя, владельца первого в сибирском регионе книжного магазина.

Его паровая типо-литография наряду с «Сибирской жизнью» и всевозможными приложениями к ней печатала «Сибирскую газету», «Томский справочный листок», «Томский листок». Сейчас многие из этих раритетов хранятся в Научной библиотеке Томского государственного университета, Иркутской областной универсальной научной библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского, Новосибирской научной и других.

Выпуск ежедневной политической, литературной и экономической газеты «Сибирская жизнь» осуществлялся Макушиным пять раз в неделю с 1894 по 1919 годы. Она, по утверждению томского исследователя Н. В. Жиликовой, *«была крупнейшей частной ежедневной газетой», «самой распространенной и влиятельной в дореволюционной Сибири»*. В 1909 году ее тираж составлял около 9 тысяч экземпляров. А во время Первой мировой войны вообще достигал 15 тысяч!

Подписка на «Сибирскую жизнь» и прием объявлений осуществлялись в книжных магазинах Макушина в Томске и Иркутске, а также в специально созданных отделениях редакции в Москве, Санкт-Петербурге, Барнауле, Омске, Красноярске.

Чтобы сделать газету актуальной, увлекательной и популярной, редактор-издатель привлекал к ее выпуску солидные творческие силы: депутатов Государственной думы, профессоров Императорского Томского университета, чиновников, некоторых политических ссыльных, а также представителей молодой сибирской интеллигенции – писателей, врачей, учителей. Сотрудниками и корреспондентами редакции трудились настоящие знаменитости того времени: Потанин, Волховский, Наумов, Клеменец, Голубев, Синегуб, Кон, Арефьев, Ленгник, Лепешинский, Сильвин и многие другие.

По данным 1913 года, в списке работающих в «Сибирской жизни» значилось 59 человек.

Со всех уголков Сибири в газету направлялись статьи, посвященные проблемам российской и зарубежной жизни, известия научного и практического содержания по разным отраслям, хроника текущих событий Томска и близлежащих городов и регионов, тематические научные публикации – исторические, бытовые, этнографические и географические очерки, а также беллетристика, повести, рассказы, стихотворения.

Редакция предъявляла к авторам определенные требования, декларируемые из номера в номер. Статьи и сообщения следовало в обязательном порядке *«подписывать фамилией их автора с обозначением его адреса»*. Рукописи в случае надобности подлежали изменениям и сокращениям. Материалы, *«признанные неудобными»*, хранились в редакции три месяца, затем подвергались ликвидации, а небольшие по объему заметки уничтожались немедленно.

Размер авторского гонорара в «Сибирской жизни» определялся по взаимному соглашению сторон, при этом автографы, *«доставленные без обозначения условий вознаграждения»*, считались бесплатными.

Приобрести газету в начале XX века можно было как по подписке, так и в розницу. В 1904 году отдельный её номер стоил 3 копейки, а подписная цена, включавшая в себя доставку и пересылку, варьировалась в зависимости от места жительства читателя и срока оформленной им подписки. В Томске за годовую подписку покупатели платили 4 рубля, а за 1 месяц – 10 копеек. В другие города России – 5 рублей и 50 копеек соответственно.

«Сибирскую жизнь» доставляли и за границу. Иностранным подписчикам в год это обходилось в 9 рублей, а на месяц подписка вовсе не оформлялась.

Обязательным условием выхода в свет газетных номеров была типографская помета на последней странице: *«Дозволено цензурою»*. Как утверждают архивные документы, «Сибирская жизнь» всегда находилась под пристальным вниманием надзорных органов: подвергалась судебным преследованиям, приостановкам деятельности, неоднократным штрафам, конфискации номеров, переживала аресты и высылку из Томска своих редакторов и корреспондентов. Поэтому немудрено, что взаимодействие с цензурными органами некоторые знатоки этого общественно-политического издания называют «значительной частью его истории».

«Сибирская иллюстрация»

Желание редактора-издателя держать руку на пульсе текущих событий, публиковать в «Сибирской жизни» интересные многим материалы привело к расширению издания за счет газетных дополнений.

Известно, что в период с 1903 по 1904 годы выходили воскресные, иллюстрированные черно-белыми фотографиями, приложения. В 1906 году – «Народные нужды», а в 1914—1917 годах – «Телеграммы «Сибирской жизни».

Кроме того, в 1903—1916 годах типо-литография Петра Макушина выпускала ежемесячные иллюстрированные тематические приложения, посвященные Сибири и выдающимся сибирякам, таким, например, как И. В. Оммулевский, Д. И. Менделеев, а также сопредельным странам – Монголии, Китаю, Японии.

Редактировал воскресные приложения прославленный путешественник, исследователь, этнограф, яркий публицист и общественный деятель Григорий Николаевич Потанин.

С того момента, как он переселился в Томск на постоянное место жительства и вплоть до закрытия газеты в 1919 году, он значительную часть своего времени занимался *«писанием рецензий и статей для «Сибирской жизни»*. И хотя публиковался Потанин во многих периодических изданиях, всё-таки самые важные его работы увидели свет именно здесь.

В мае 1903 года Потанин совместно с Александром Михайловичем Головачевым, а также Елизаветой Петровной и Петром Ивановичем Макушиными создал воскресное иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». Впоследствии он с особой любовью будет именовать свое детище *«сибирской иллюстрацией»*.

На страницах нового, редактируемого Потаниным, издания появятся *«портреты известных сибиряков и посторонних лиц, послуживших Сибири, их биографии, снимки с картин художников, сюжеты которых взяты из сибирской природы или сибирской жизни, виды Сибири, типы сибирского населения, образцы внешнего быта в Сибири, а также картины и сцены из жизни города Томска, так как это умственная столица Сибири»*. Словом, все то, что так живо интересовало творческую молодёжь, к числу которой принадлежал и кузнецанин Валентин Булгаков.

Он познакомился с Потаниным в Томске, во времена своей гимназической юности. В тот самый период знаменитый ученый и просветитель был поглощен деятельностью в «Сибирской жизни».

На склоне лет Валентин Фёдорович прочувствует эту встречу как судьбоносную и поставит её в ряд знаковых вех своей биографии:

«Томск. Гимназия. Новые товарищи. Знакомство с Григорием Николаевичем Потаниным, известным путешественником по Монголии и ученым».

Роль Потанина в расширении кругозора молодого Булгакова, в приобщении его к корреспондентской, научно-исследовательской, писательской деятельности неоспорима. В литературных мемуарах Булгаков известит нас о сроках, причинах и содержательной стороне их творческого взаимодействия:

«Знакомство это мое продолжалось года три и связано с увлечением моим, кажется, не совсем сознательным и искренним, этнографией. Я записывал в деревнях сказки, песни, читал литературу по фольклору, которой снабжал меня Потанин. Сказки, записанные мною, очень хорошие и большие, всего 28, напечатаны были в „Известиях“ Красноярского Подотдела географического Общества под редакцией Потанина. Были еще заметки

по этнографии в других изданиях. В Томске вообще я делаюсь причастным к газетной работе».

Думается, эту «причастность» поддерживал и культивировал в юном даровании и Потанин. Редактируя «сибирскую иллюстрацию», Григорий Николаевич обеспечивал общедоступность интереснейших, иногда – малоизвестных, исследований и фактов широкому кругу читателей, продвигал целый спектр тем: от истории и этнографии до географии, литературного краеведения, земледелия, животноводства. Благодаря изданию иллюстрированных приложений он отчасти реализовал свою давнюю мечту – *«создать орган, в котором отражалась бы артистическая жизнь Томска»*.

Несомненно, всё это нашло горячий отклик в душе начинающего корреспондента Булгакова. Позиция редколлегии «Сибирской жизни» сомкнулась с искренней и насущной потребностью будущего кузнецкого литератора *«знакомить читателя с родиной, научить его ценить Сибирь и тех, кто работал на её благо»*...

Несмотря на то, что Потанин всегда был истинным знатоком сибирских богатств, радел за процветание и динамичное развитие региона, в выпусках иллюстрированного приложения нет никаких пометок о его почти двухлетнем редакторском вкладе. XXIII воскресный выпуск, ставший экспонатом музея Достоевского, – не исключение.

Но имя исследователя не затерялось во времени. Сохранились архивные источники, свидетельства современников, доподлинно подтверждающие это. В том числе, мемуарная летопись «Как прожита жизнь», автором которой является наш земляк Валентин Булгаков:

«10 октября того же года (1904- Е.Т.), в особом иллюстрированном приложении к „Сибирской жизни“, издававшемся под редакцией Г. Н. Потанина, <я> поместил статью „Ф. М. Достоевский в Кузнецке“ с воспроизведением михеевских фотографий домика, где он жил, и церкви, в которой он венчался»...

«...с воспроизведением михеевских фотографий»

Те, кто хоть раз видел подлинник газеты, удивятся: какие еще «*михеевские фотографии*»? Там ничего нет! Булгаков, видимо, ошибся...

Действительно, внутри статьи, помещенной на первой газетной странице, имеется только одно фотоизображение. Писатель в военном обмундировании сидит возле небольшого, покрытого узорчатой скатертью, столика. В его руках – форменная фуражка.

Но где же домик Достоевского и церковь?

Ответ следует искать в особенностях вёрстки, существовавших в начале XX века.

Типовые номера «Сибирской жизни» верстались мелким шрифтом, в шесть колонок. Материалы ставили очень плотно, «сплошным потоком», из колонки в колонку, отделяя только заголовками. Рисунков или фотографий в газете не предусматривалось. Исключение составляли лишь картинки внутри рекламных модулей, привлекающие внимание к товару. Они были небольшие, размещались на начальной и конечной страницах.

Появление первых иллюстраций в «Сибирской жизни» относится к 1896 году, когда редактор-издатель П. И. Макушин *«испросил разрешение иллюстрировать газету»* в связи с желанием *«дать читателю правдивые и живописные картины „торжества коронации“ и портреты разных лиц, и картины их жизни и природы Сибири»*. Он понимал, что с каждым годом возрастает количество читателей газеты, желающих полней и ярче представлять события и явления, о которых идет речь в корреспонденциях.

Выпуск новых иллюстрированных приложений словно впустил свежий воздух в газетное дело. Статьи стали верстать в три колонки, появились фото и репродукции, значительно расширившие как визуальные возможности изданий, так и кругозор читателей. В то же время эти новшества выявили недостаток опыта сотрудников, занимавшихся вёрсткой.

Система вёрстки в газете долгое время оставалась недостаточно отлаженной и гибкой. Подтверждением тому служат особенности расположения статьи Булгакова «Достоевский в Кузнецке». По задумке издателей, она должна была сопровождаться тремя черно-белыми снимками. Размещены они, по сегодняшним меркам, очень оригинально. Фотопортрет Достоевского располагается на первой странице вместе с текстом статьи, а два других изображения, автором которых как раз и является В. И. Михеев, перенесены на вторую полосу без каких-либо объяснений или указаний на их связь с предыдущим материалом. Ими стали, как удостоверяют подписи под фото, две достопримечательности города Кузнецка – старинная Одигитриевская церковь, в которой венчался Достоевский, и *«Домик, где жил Достоевский, и улица, названная в память писателя его именем»*.

К слову, второй снимок Валентин Булгаков раскритиковал. В заметке «Несколько слов по поводу картины г. Вучичевича «Домик Достоевского в Кузнецке», увидевшей свет в одном из номеров томской газеты «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» в 1905 году, он называет его *«довольно неудачным»*. Особенно заметной эта неудача стала потому, что фото Михеева *«послужило оригиналом для картины»* В. Д. Вучичевичу. Возмущенный Булгаков считал, что живая натура, а не фотография должна вдохновлять настоящего художника на создание бессмертных полотен. Изначальная подмена «первоисточника», по его мнению, не поможет живописной работе развернуться в достоверный, *«интересный исторический сюжет»*!..

Но вернёмся к вёрстке фотографий Михеева. Они оказались не только на другой странице, но и внутри научно-популярных исследований, не имеющих никакого отношения ни к Булгакову, ни к пребыванию Достоевского в Кузнецке: «Марал и мараловодство на Алтае» (автор – А.Г.) и «Чемал» (автор – Л-ма). Таким образом, начав «жить отдельно»

от булгаковского текста, снимки практически «потерялись». Как, впрочем, и сам фотограф, которому до последнего времени удавалось скрываться от исследовательских глаз.

В этом смысле интересна путаница, возникшая в статье В. Н. Абросимовой «Ф. М. Достоевский в судьбе последнего секретаря Л. Н. Толстого (по материалам архива В. Ф. Булгакова)», где указано, что создателем всех трех (!) фотоснимков, опубликованных в приложении к «Сибирской жизни», является Василий Михайлович Михеев – русский прозаик, драматург, публицист, поэт и редактор, *«юность которого прошла на таежных приисках близ Олёкминска»*.

На самом же деле автор фотографий – совершенно другое лицо. Это Виктор Иванович, а не Василий Михайлович, Михеев. Он *«офицер глухойшей провинции»* – поручик в составе кузнецкого гарнизона и фотограф, а не писатель. Жил в Кузнецке Томской губернии, а не в Олёкминске.

Некоторые моменты из жизни В. И. Михеева находим в литературных воспоминаниях братьев-кузнечан Вениамина и Валентина Булгаковых. С детских лет они хорошо знали Виктора Ивановича, дружески общались с ним, поэтому особых представлений его личность не требовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.